«Исторические корни и эволюция терроризма»

Основной массив актуальной информации об исследованиях, связанных с экстремизмом и терроризмом, представлен в англоязычной литературе. Среди специализированных исследовательских центров следует особо выделить аналитические материалы голландской службы безопасности AIVD, а также международного центра по изучению радикализации ISCR, как наиболее глубокие и оперативно освещающие социальную динамику экстремистских практик и террористических организаций.

Среди специализированных периодических изданий следует отметь наиболее авторитетные старейшие журналы о терроризме «Studies in Conflict & Terrorism» и «Terrorism and Political Violence», а также «Perspectives on Terrorism» со свободным доступом к статьям.

Определение политического экстремизма: насилие является дифференцирующим маркером экстремизма, это та самая «приверженность крайним мерам», так или иначе отмечаемая во всех дефинициях.

Характеристики терроризма как экстремистской практики:

1. Опосредованный характер действия, проявляющийся в том, что непосредственное воздействие оказывается на одних лиц, эффект от этого воздействия переживают другие лица, а достижение цели осуществляется за счет действий третьих лиц;
2. Несколько уровней устрашения: непосредственный акт насилия либо угроза таковым создает устрашение, объектом которого является общество, после чего уже общее состояние страха начинает оказывать воздействие на органы власти;
3. Сложный объект включает: случайных граждан или материальные объекты (инструментальные цели); общественная безопасность и правопорядок (инструментальные цели); элементы конституционного строя, институциональный порядок (конечные, основные цели).

Динамика содержания понятия терроризм.

Термин “терроризм” вошел в научное обращение сравнительно недавно – в конце 1970-х – начале 1980-х годов. История данного понятия, напрямую связанная с историей самого феномена, может быть условно разделена на два этапа. На первом – “политическом” – этапе, оно не выделялось в отдельный феномен и рассматривалось как часть общей, как правило, революционной борьбы. Благодаря новизне, максимальной радикальности, а также революционному и национально-освободительному контексту презентация себя как террориста и своей деятельности как террористической свободно использовалась вплоть до первых десятилетий XX века. Очень скоро термин обретает негативную коннотацию и превращается в удобный ярлык для политических оппонентов. Лишь в 1970-е годы происходит институциональное оформление терроризма и он становится объектом внимания научного сообщества. Вместе с тем, предлагаемые дефиниции и по сей день отличаются нечеткостью, тавтологичностью, противоречивостью и неполной характеристикой определяемого объекта.

Динамика практик политического экстремизма.

После Второй Мировой войны доминировали практики массовых иррегулярных армий. Успех революций в Китае и на Кубе сделал популярной в 1950-60-е гг. стратегию Мао Цзедуна, опирающуюся на труднодоступные сельские регионы и крестьянское ополчение:

1-й этап - создание партизанской базы или очага в удаленном неконтролируемом горном или лесном районе. Пропагандистская работа с местным населением и подготовка инфраструктуры.

2-й этап - выход за пределы базы и создание постоянных районов партизанских действий. Цель: измотать силы противника, создать атмосферу неуверенности и неустойчивости.

3-й этап – войска противника блокируются в городах и партизанские силы переходят к крупным стратегическим операциям по захвату укрепленных пунктов противника.

До середины 60-х годов, учение председателя Мао о «народной партизанской войне» оставалась последним словом в теории герильи. И лишь в 60-х, в Бразилии, в Уругвае («тупамарос») и Аргентине ("монтанерос"), а затем уже и в Европе (РАФ, «Красные бригады» и т.д.) на практике был опробован новый тип революционной войны – городская герилья. Любое действие в городе благодаря СМИ быстро становилось достоянием не только общественности внутри страны, но и мировой.

Наиболее известным теоретиком городских боевых групп стал бразилец Хуан Карлос Маригелла. Его работа “Краткий учебник городского партизана” превратилась в настольную книгу латиноамериканских, а в последствии и международных террористов. Маригелла становится главным идеологом выхода террористических организаций из-под контроля политических партий и движений. Процесс обособления и становления самостоятельных террористических организаций совпал с выходом терроризма на международную арену.

Международный характер терроризма.

Одним из первых международных террористических актов стал захват боевиками Народного фронта освобождения Палестины самолета израильской авиакомпании “Эль-Аль” 22 июля 1968 года. В конце 1960-х впервые террористы стали перемещаться из одной страны в другую для осуществления атак, в качестве мишеней все чаще оказывались мирные граждане других стран, которые имели мало общего или вообще никак не были связаны с притязаниями террористов. Это делалось исключительно для того, чтобы усилить влияние и дать еще большую огласку, которой зачастую не хватало террористическим атакам, направленным на непосредственного противника.

В период с 1968 по 1980 год палестинцы совершили больше терактов по всему миру, чем любые другие организации. Самым ярким примером террористического акта на международном уровне, заставившим весь мир говорить о палестинской проблеме, стало убийство одиннадцати израильских

спортсменов на Олимпийских играх 1972 г. в Мюнхене. Главным же практическим результатом можно считать приглашение лидера ООП Ясира Арафата в ООН в 1974 г. для обращения к Генеральной Ассамблее. Его организация получила статус особого наблюдателя. К концу 1970-х ООП, будучи негосударственной организацией, уже имела формальные дипломатические отношения с большим числом стран, чем само государство Израиль (86 против 72). Успех ООП за счет “интернационализации” борьбы с Израилем послужил моделью для террористов по всему миру.

Признаки для терактов и террористических организаций.

Существует два подхода, освещающих различные аспекты проблемы. В.П. Емельянов рассматривает международный аспект непосредственно террористического акта. Данный подход пригоден для квалификации террористических преступлений международного характера, но абсолютно не учитывает роль террористических организаций, чья деятельность (не обязательно террористическая, но сопутствующая) в первую очередь может носить международный характер, в то время как сами теракты таковыми могут и не быть. В этом отношении более подходящим выглядит подход Р. Майнц.

Традиционные (иерархические) организации. К ним относят такие организации как ИРА, ЭТА, “Хезболла”, “Японская Красная армия”, “Фракция Красной армии”, “Красные бригады” и др., обладавшие иерархической структурой, хорошо развитым правящим аппаратом, четко ограниченной и дифференцированной ролевой структурой. Они вырастали из региональных и национальных движений протеста. Такие организации, как правило, имеют два крыла: легальное политическое (обычно в виде партии) и нелегальное боевое (собственно террористическая организация). Их члены проходили подготовку по технике и тактике проведения террористических кампаний, они сделали террористическую деятельность своей единственной профессией. Большинство из них одинаково консервативны в плане

организуемых ими терактов, а тактический репертуар весьма ограничен и направлен против узкого круга мишеней.

Согласно теории социальных сетей М. Кастельса, такая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов, конкретное содержание каждого из которых зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь. При этом все ключевые сетевые принципы, выделенные социологом в 1996 уже были предложены в программе реорганизации структуры городской герильи Х.-К. Маригеллой почти за 30 лет до того.

Можно говорить о завершении совершенствования организационного построения террористических сообществ. Жесткая централизация, иерархическая система управления уступила место гибкой неформальной структуре, успешно видоизменяющейся и приспосабливающейся к реальной обстановке. Соответственно взаимодействия внутри боевой группы также носят достаточно гибкий характер, а роль каждого члена группы зависит от стоящей на данный момент задачи.

Если применительно к “старому” терроризму можно говорить о межорганизационном сотрудничестве, где каждая организация имела жесткую национально-территориальную привязку, то сетевой “терроризм четвертого поколения” представлен едиными транснациональными сетями. Тем не менее, отдельные рудименты иерархии все же сохраняются, дает возможность восполнять центробежные тенденции сети жесткостью иерархии и наоборот. Сетевая структура обеспечивает эффективное преодоление постоянной угрозы раскрытия и наказания. Иерархия же дает покровительство, защищенность, сплоченность, твердую организацию в динамичной, непостоянной окружающей среде. В современном мире такое организационное построение является наиболее эффективным не только для легальных организаций, но и, как показывает практика, для преступных террористических групп, делающее их практически неуязвимыми.

Религиозное идеологическое обеспечение терроризма.

Политический экстремизм, опирающийся на фундаменталистские, милленаристские и виджилантистские доктрины становится широко распространенным лишь с конца 1980-х гг. До этого большинство террористических групп все еще было представлено левыми, правыми или этнонациональными организациями. Религиозный фактор присутствовал фрагментарно и номинально – как культурно-дифференцирующий маркер, но не как основа экстремистской идеологии. Одним из очевидных факторов потери популярности традиционных светских идеологий был крах социалистического блока, однако применительно к исламскому фундаментализму ключевые события происходили на 10 лет раньше. Политизация и экстремизация ислама, введение религиозной риторики в актуальный политический дискурс на международном уровне – все это произошло на фоне начала идеологического противостояния Тегерана и Эр-Рияда после победы Иранской революции. Вторым фактором стал ввод советских войск в Афганистан, что позволило противопоставить идее «исламской революции» в своей стране идею «джихада» в далеком Афганистане, для чего была создана соответствующая пропагандистская и логистическая инфраструктура. В перевалочных пунктах на пакистано-афганской границе формировалась современная идеология глобального джихада, перешагивающая через региональные различия приезжающих из разных концов мира будущих моджахедов.

С 2003 года в Западных странах стали преобладать так называемые локальные автономные сети джихадистов, возникшие, благодаря спонтанным процессам саморадикализации и саморекрутирования среди молодых мусульман. Такие сети, в полном соответствии с парадигмой сетевого общества М. Кастельса, децентрализованы, не имеют формальных связей, строгой регуляции активности, профессионализации и разделения труда и полагаются на персональные связи и разделяемую общую идеологию. Более того, их появление теперь не требует внешней инициации и полностью зависит от внутригрупповой коммуникации и наличия доступа к

интернету. Интернет предоставляет пространство, где радикалы могут публиковать и распространять обучающие материалы, идеологические манифесты, электронные журналы, и видео с актами насилия. Радикальные сайты представляют собой виртуальные религиозные школы (медресе), использующие в качестве учебного материала книги радикальной и экстремистской направленности. Эти источники предоставляют решающую информацию для потенциальных экстремистов.

Вдобавок, такие сетевые технологии как блог, вики, чат, сайты видео-обмена и социальных сетей позволяют создавать параллельное (относительно принимающего общества) коммуникативное пространство, и воспроизводить альтернативный образ социальной реальности, в которой группы единомышленников могут взаимодействовать и выстраивать близкие отношения. Интернет, таким образом, предлагает новую эгалитарную среду, в которой все участники получают сравнительно равный вес и влияние. Присоединяясь к этим сетям их участники приобретают специфический авторитарный, одномерный тип мировоззрения

Для значительного сегмента мусульманского сообщества Западной Европы уже 10 лет назад были очевидными такие предпосылки радикализации, как отказ от интеграции, признание несовместимости образа жизни принимающего общества с исламскими нормами и ценностями и выбор контр-идентичности.

Также общей тенденцией для Западной Европы и США являются поколенческие различия в мусульманских общинах. Молодежь, как правило, занимает более радикальную позицию и чаще выбирает крайние варианты альтернатив. Так, молодые американские мусульмане (до 30 лет) более ревностно проявляют свою религиозность, чем старшее поколение: еженедельное посещение мечети отметили 50% против 35%, приоритет исламской идентичности отмечен у 60% молодежи и 42% чувствуют конфликт с современным образом жизни (тогда как среди старшего поколения таких 28%). Так, в западноевропейских общинах сохраняется

значительная поддержка суицидальных терактов в защиту ислама среди молодых мусульман

Применительно к экстремизму на основе политизированного ислама в литературе выделяется несколько типов радикальных сетей, которые, как и другие мультиэтнические и транснациональные социальные образования, склонны не признавать родственные, общинные или этнические разграничения.

Первый тип - это политически относительно нейтральные мусульманские сети, которые, состоят из мигрантских организаций, гуманитарных сетей, а также сетей легальной и нелегальной экономической поддержки. Эти структуры помогают совершать хадж и принимать участие в иных многонациональных коллективных действиях.

Все эти ресурсы и сети созданы для мобилизации связей между и внутри общин и диаспор, они служат укреплению религиозных и политических движений, проповеди общей исламской идентичности. Через их религиозные и идеологические связи унифицируется общая система верований и убеждений. Таким образом, эти сети являются инструментами глобализации, быстро распространяющими общинные взгляды среди рассредоточенных индивидов.

Второй тип сети формируют сторонники салафитского варианта ислама, признающие на политическом уровне исключительно теократическую форму правления, отвергающие саму идею светского государства и настаивающие на приоритете уммы как наднациональном политико-религиозном сообществе. Они открыто борются за распространение ислама на Западе и ликвидацию конституционной демократии, открытости и плюрализма.

Салафитская сетевая структура децентрализована и сегментирована. Это децентрализованная ячеистая структура, в которой каждый, обладая религиозным знанием и компетенцией, может претендовать на лидерство в

группе, демонстрирует, как просто в Европе создаются группы или автономные ячейки без необходимости прямых указаний высших иерархов.

Такого рода ненасильственный радикальный ислам, фактически, распространен в каждой европейской стране с мусульманской общиной и поддерживается менее радикальными движениями, такими как «Братья мусульмане», «Таблиги Джамаат», «Хизб ут-Тахрир». Но салафизм, также, привлекает людей и без религиозного опыта. С другой стороны, сети салафитов проявляют особое внимание к проблемам молодежи и на много оперативнее государственных учреждений предлагают свое содействие.

Третий тип представлен так называемыми «джихадистскими сетями», состоящими из полностью радикализированных мусульман, готовых применять насилие, то есть экстремистов. Члены такой сети активно и сознательно содействуют реализации насильственного джихада. Но джихадист – не обязательно член сети, он может действовать независимо.

Неверно считать, что такие сети вообще не имеют структуры. В некоторых случаях эти коммуникативные линии сходятся в одной или нескольких центральных группах, которые играют координирующую или контролирующую роль. В других случаях имеет место случайная коммуникация между членами, тогда как сеть функционирует без лидеров или центрального контроля. Также могут быть активными несколько групп внутри одной сети.

Гибкий и неформальный характер таких сетей позволяет индивидам проще устанавливать специализированные контакты в дополнение к постоянным отношениям. Все строится на личной инициативе. В большинстве случаев мы можем выделить центральную группу, окруженную широкой сетью индивидов, контроль над которыми обычно сведен к минимуму. Личные связи между членами держат сеть вместе, а идея общего врага стимулирует ее сплоченность. Отношения обычно основаны на разделяемой политико-религиозной идеологии, мировоззрении, взаимном

доверии, семейных или дружеских связях, общем происхождении, общем опыте боевых действий.

Разница между членами джихадистской сети и другими радикальными мусульманами заключается в методах пропаганды насилия: вербально или непосредственно экстремистскими действиями. Таким образом, в дополнение к ***реальным террористам-джихадистам*** эта категория включает широкий круг тех, кто поддерживает и пропагандирует насильственный джихад, но (еще) не участвует в насилии.

В процессе радикализации происходит формирование экстремистских установок в рамках соответствующей радикальной среды. Агенты радикализации обеспечивают групповой контроль и предоставляют исчерпывающие интерпретации социальной реальности, формулируют и воспроизводят образ альтернативной социальной реальности, продиктованной идеологической доктриной.

На каждом из приведенных этапов радикализации степень участия ее агентов постепенно уменьшается. Это происходит по мере все большего вовлечения индивида в разннообразные сетевые практики обмена, продуцирования и распространения экстремистских материалов, поддержания соответствующих дискурсов, то есть исполнение функций агента радикализации. С того момента, когда индивиды под воздействием субъективных факторов воспринимают новую идентичность, претендующую на тотальность, они становятся субъектами конструирования альтернативной социальной реальности для других участников данной среды. Одновременно, уже как часть воображаемого сообщества мировой мусульманской уммы, они подвергаются нарастающей радикализации в процессе интенсивных интеракций внутри группы идентификации.

Литература к конспекту лекции «Исторические корни и эволюция терроризма»:

1. Berger L. Local, National and Global Islam: Religious Guidance and European Muslim Public Opinion on Political Radicalism and Social Conservatism // West European Politics. – 2016. - №02. – p. 205-228
2. Deckard N. D. The prosperous hardliner: Affluence, fundamentalism, and radicalization in Western European Muslim communities // Social Compass. – 2015 – 3. – p. 412–433.
3. Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism / D.M.E. Noricks // Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together / [Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al.]. - RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. - P. 11-70.
4. Sageman M. Leaderless jihad. Terror networks in the twenty-thirst century / M. Sageman. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2008. – 200 p.
5. The radical dawa in transition: The rise of Islamic neoradicalism in the Netherlands. - AIVD Communications Department, 2007. – 90 p.
6. The Radicalization of Diasporas and Terrorism / [B. Hoffman, W. Rosenau, A.J. Curiel, D. Zimmermann] // Radicalization, Terrorism and Diasporas: International Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies, ETH, Zurich 30-31 March 2006, Washington, D.C. - RAND Corporation, 2007. - P. 55
7. Violent Jihad in the Netherlands: Current trends in the Islamist terrorist threat. - 2006 General Intelligence and Security Service Report. – AIVD's Communications Department, 2006. - 64 p.
8. W. Farhaan Functionality of Radicalization: A Case Study of Hizb ut-Tahrir // Journal of Strategic Security. – 2016. - №1. – p. 102-117
9. Электронные базы данных социологических опросов Pew Global Attitudes Project.
10. Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф. Денисова. М: Ладомир, 2004. – 468 с.
11. Mayntz R. Organizational Forms of Terrorism. Hierarchy, Network, or a Type sui generis? / MPIfG Discussion Paper 2004/4, Koln: Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung. – 22 p.
12. Miller M. The Foundation of Modern Terrorism. State, Society and the Dynamics of Political Violence. - Cambridge University Press, New York, 2013. – 294 p.
13. Хоффман Б. Терроризм - взгляд изнутри = Inside terrorism / Брюс Хоффман; [Пер. с англ. Е. Сажина]. - М.: Ультра.Культура, 2003. - 264 с.
14. Carvalho C. The Importance of Web 2.0 for Jihad 3.0 // Journal of Religions on the Internet. – 2016. - № 11. – p. 46-65